

Несколько человек хотели что-то сказать, но в итоге решили не спрашивать. Они знали, что Се Сицзэ плохо себя чувствует, но не понимали, что именно с ним происходит. Все сдерживались, чтобы не задавать лишних вопросов и не создавать ему неудобств, продолжая вести себя как обычно.

Во время трапезы Пэй Инь почти не ел, зато постоянно подкладывал еду Се Сицзэ. Они познакомились раньше остальных, поэтому он уделял ему больше внимания. После окончания ужина Пэй Инь проводил Се Сицзэ домой.

— А Инь, водитель уже ждёт меня у входа, не нужно провожать. Какие между нами могут быть церемонии?

Пэй Инь улыбнулся:

— Раз уж мы не церемонимся, позволь мне пройти с тобой ещё немного. В последнее время в студенческом совете много дел, времени не хватает. Через несколько дней, когда будет свободная минутка, зайду в Усадьбу Сун, хорошо?

Се Сицзэ кивнул:

— Конечно, но не забывай отдыхать, иначе заработаешь проблемы со здоровьем.

Пэй Инь внезапно протянул руку и слегка потрепал его по голове:

— А ты? Похоже, в последнее время не высыпaeшьcя. Под глазами тёмные круги, да и похудел немного.

Се Сицзэ отшутился:

— Жарко просто.

Пэй Инь усмехнулся:

— Разве в Усадьбе Сун может быть жарко?

Се Сицзэ, обнажив белые зубы, засмеялся вместе с ним. Пэй Инь, видя его улыбку, немного расслабился, но голос его стал серьёзным:

— Сицзэ, поправляйся и возвращайся на занятия. Если нужно будет поговорить, звони в любое время.

Казалось, Пэй Инь хотел сказать ещё что-то, но, проведя его до ворот, так и не произнёс ни слова:

— Отдыхай как следует. Мне ещё нужно кое-что сделать в университете.

Се Сицзэ схватил его за руку:

— Может, я попрошу водителя отвезти тебя?

— Не нужно. Ты иди и отдыхай.

Они попрощались у ворот. Водитель открыл дверь, ожидая, когда Се Сицзэ сядет в машину. Тот уже склонился, чтобы войти, как вдруг Пэй Инь потянул его назад, обняв.

Сегодня Пэй Инь вёл себя странно. Се Сицзэ недоумевал:

— А Инь, что с тобой сегодня?

Обычно они были близки, но Пэй Инь редко проявлял такие эмоции, как сегодня.

Пэй Инь, как и раньше, взъерошил его волосы, а затем аккуратно пригладил их:

— Мы знакомы уже пять лет, а ты до сих пор ничего не понимаешь.

Вернувшись в Усадьбу Сун в семь тридцать, Се Сицзэ застал Дядю Ли, который, уже поужинав, прогуливался по саду. Едва переступив порог, Се Сицзэ, не обращая внимания на другие дела, с надеждой посмотрел на Дядю Ли, глаза его блеснули. Первым делом он спросил:

— Дядя, Сун Ле возвращался?

Дядя Ли вздохнул:

— Молодой господин, это уже пятый раз, как вы спрашиваете сегодня.

То есть он не возвращался. Се Сицзэ не мог понять, было ли это разочарованием или чем-то ещё, но сейчас он не чувствовал такой грусти, как пару дней назад.

Воспользовавшись тем, что температура понизилась, он направился в южный двор, чтобы полить своё любимое дерево. Потратив на это полчаса, он вернулся на кухню, взял приготовленную Дядей Ли лапшу долголетия и, сидя во дворе, наслаждался летним ветерком, медленно поедая её. Во время еды его взгляд то и дело блуждал в сторону ворот.

Всё ещё не теряя надежды, Се Сицзэ чувствовал себя как герой из телесериала, «запертой красавицей» в богатом доме, ежедневно ожидающей своего возлюбленного.

Се Сицзэ так никого и не дождался. В девять тридцать он окончательно сдался, принял душ на первом этаже и вернулся в свою комнату. Открыв окно, он сел на кровать, вытирая волосы и играя с телефоном.

В списке непрочитанных сообщений было более десяти смс от одноклассников с поздравлениями с днём рождения. Се Сицзэ отправил им групповой ответ, как вдруг пришло новое сообщение от Сун Ле.

[Сяо Цзэ, дорогой, с днём рождения. Отдыхай как следует и не простудись.]

Он был и зол, и смеялся одновременно. Этот мужчина, называя его «дорогим», одновременно отвергал его, сочетая в себе и нежность, и холодность. Разве это не настоящий негодяй?

Не раздумывая, Се Сицзэ тут же набрал его номер.

Он сидел на кровати, нервно почесывая голову. Лицо его, ещё влажное после душа, слегка покраснело. Он взял зеркало и, смотря на себя, морщился и дулся.

Ему действительно хотелось увидеть Сун Ле, услышать его голос. Сильное чувство тоски и зависимости сжигало его изнутри, заставляя слёзы течь ручьём. Перед Сун Ле он был как больной одержимый. Он был болен, и это Сун Ле его избаловал. Лечения не было.

Се Сицзэ молча улыбнулся своему отражению, но глаза его были красными, а слёзы залили

половину лица. Он знал, что выглядит ужасно, но не мог с собой справиться.

Гудки продолжались, но никто не отвечал. В ярости он перевернулся лицом к окну, резко дёрнувшись, что вызвало слабую боль в груди.

Он замер на кровати, не смея пошевелиться, пока боль не утихла. Се Сицзэ больше не рисковал, боясь, что что-то пойдёт не так. Положив телефон на стол, он приготовился ко сну, но лицо его побледнело, сердце сжалось, а зрение начало расплываться.

Се Сицзэ лежал в постели, чувствуя холод в конечностях. Рот его открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег, а сердце бешено колотилось. С трудом он перевернулся на правый бок, лицом к южному двору, где вдалеке увидел верхушку своего зонтичного дерева, украшенную маленькими белыми точками.

Это... цветы распустились?

Экран телефона, лежащего на полу, внезапно загорелся. На дисплее было имя Сун Ле. Но на этот раз Се Сицзэ уже не смог ответить.

Известие о смерти Се Сицзэ Дядя Ли передал Сун Ле на следующее утро в девять часов. В восемь тридцать, не дождавшись, когда Се Сицзэ спустится к завтраку, Дядя Ли постучал в дверь его спальни. Согласно правилам, завтрак должен был быть завершён к девяти. Постучав и не получив ответа, Дядя Ли с беспокойством вошёл в комнату.

В тот день Сун Ле должен был улететь в провинцию С для встречи с несколькими важными руководителями. Он был одет в официальный костюм, волосы аккуратно уложены. Сидя на заднем сиденье, он разбирал рабочие письма. Когда машина была уже на полпути, он получил звонок от Дядю Ли. Сун Ле был в замешательстве, не сразу поняв смысл сказанного.

Он срочно заказал билет на самолёт обратно в Чуаньчэн. Менее чем через четыре часа, войдя в Усадьбу Сун, он почувствовал себя как во сне.

Когда Сун Ле дотронулся до Се Сицзэ, тело его уже остыло.

Се Сицзэ лежал на кровати спокойно, и если бы не потерянная температура, Сун Ле мог бы подумать, что он просто спит.

Горло Сун Ле пересохло, мозг будто был оглушён чем-то тяжёлым, а глаза не могли сфокусироваться:

— ...Сяо Цзэ.

— ...

— Сяо Цзэ!

Никто больше не отвечал.

Мальчик, которого он вчера ещё называл «дорогим», исчез.

Се Сицзэ ушёл внезапно. Одноклассники, пришедшие почтить его память, рыдали без остановки. Пэй Инь, схватив Сун Ле за воротник, кричал что-то, но он не слышал. Сердце его разрывалось от боли, но глаза оставались сухими. Он даже завидовал тем, кто мог плакать.

После похорон Сун Ле не покидал Усадьбу Сун целых две недели, проводя всё время в комнате Се Сицзэ.

Одной ночью, измождённый после нескольких дней напряжения, Сун Ле лёг на кровать. Во сне он увидел Се Сицзэ, а проснувшись, взгляд его устремился в сад за окном.

В южном дворе зонтичное дерево, которое Се Сицзэ сажал несколько лет, наконец зацвело. Ветви были усыпаны звёздчатыми цветами, аромат которых наполнил комнату.

Сун Ле замер, вспомнив, как Се Сицзэ радовался, сажая это дерево. Тогда он был ещё ребёнком, ростом ему до груди, и упорно старался, чтобы дерево прижилось.

Он всегда мечтал насладиться цветением вместе с ним. Но теперь, когда цветы распустились, они оказались разделены небом и землёй. До сих пор он не мог понять, как так получилось, что ребёнок, которого он растил, в одно мгновение исчез.

Сун Ле отвёл взгляд, глаза его были сухими. С тех пор, как Се Сицзэ ушёл, обстановка в комнате оставалась неизменной, как будто он всё ещё здесь. На столе у кровати лежала книга, страницы которой были раскрыты, вероятно, Се Сицзэ листал её, чтобы скоротать время.

Взгляд Сун Ле остановился на странице, на последней строке.

«Во дворе растёт мушмула, посаженная в год смерти моей жены, а теперь она уже раскинула свои ветви, как зонт.»

В восемнадцать лет Се Сицзэ кричал, что никогда не оставит Сун Ле. Кто бы мог подумать, что теперь он действительно умер, и в мире больше не осталось такого человека.

Сун Ле сжал пальцы до побеления, глядя на дерево, усыпанное цветами, и с его щеки скатилась слеза.

Се Сицзэ проснулся два года назад. Он лежал на больничной кровати, уставившись в белый потолок, а затылок, зашитый двумя швами, пульсировал болью.

Память его осталась в ночь дня рождения, но теперь он вернулся в свои восемнадцать лет. Если считать точнее, его день рождения ещё не наступил, а значит, он ещё не признался в чувствах Сун Ле.

<http://bllate.org/book/16434/1489612>